

Ф.Ю. ЮСУПОВ

**ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЮРКСКИХ ДИАЛЕКТОВ
(Некоторые итоги системно-синхронного исследования
татарского диалектного языка (индикатив))**

Мақалада теориялық ерекше белгілер жиынтығынан тұратын диалектілік тілді жүйе ретінде модельдеуге талпыныс жасалып, айқындалған жалпы және ерекше белгілер негізінде жеке жүйенің жіктемелік сипаттамасы берілді; татар тілі диалектілерінің түркі тілдері генетикалық классификациясындағы орны анықталды; лингвогеографиялық талдау арқылы татар тілдік ландшафын толық қамтитын әртүрлі изоглосс типтері мен тілдік құбылыстардың ареалдары сараланды.

В статье предпринята попытка моделирования диалектного языка как системы, состоящей из теоретико-множественной суммы признаков; на основе выделения общих и различительных признаков установлены классификационные характеристики частных систем, определено место татарских диалектов в генетической классификации тюркских языков; на основании лингвогеографической интерпретации выявлены различные типы изоглосс и ареалы языковых явлений на всей территории татарского лингвистического ландшафта.

In article attempt of modeling the dialect language as a system consisting of theoretic-multiple sum of evidences is undertaken; on the basis of allocating of common and distinctive features set classification features private systems, identify the areas of tatar dialects in the genetic classification of turkic languages; identified on the basis of linguo-geographic interpretation different types of isoglosses and areals of linguistic phenomena in the entire Tatar linguistic landscape.

В настоящее время все говоры татарского языка, распространенные на огромной территории, от Рязанской до Новосибирской областей, изучены методом лингвистической географии и описаны монографически, изданы многочисленные научные исследования, защищены кандидатские и

докторские диссертации. Составлен Диалектологический атлас татарских говоров Среднего Поволжья и Приуралья.

При написании этой статьи автор, как и в предыдущих своих работах, применил метод суммарного описания диалектной системы. В работе не выделяются отдельные говоры и диалекты, а исследуются все элементы, известные в диалектах татарского языка. Кроме того, в ней используется метод моделирования диалектной системы (диасистемы диалектного языка), конструирование которой является исходной точкой синхронного описания диалектных систем.

Национальный язык, кроме литературной, разговорной и других форм языка, объединяет также собрание говоров и диалектов, выполняющих функции общения на определенной территории распространения данной нации. Представление об общем устройстве языка достигается изучением не только литературных норм, но и его сложных диалектных систем. Поэтому при характеристике общей структуры национального языка диалектные варианты должны быть признаны равноценными наряду с литературными нормами. Такой подход к диалектной форме языка позволяет рассматривать все его элементы как вариативные звенья единой системы национального языка. Исходя из положения о системности языковой структуры, данные диалектов должны рассматриваться как элементы единой языковой системы [1, с. 108]. В свою очередь, частные диалектные системы в рамках национального языка взаимодействуют между собой наличием как общих, так и различительных черт. Данная сложная система общих, так и различительных черт в рамках общей диалектной системы называется диалектным языком, который искусственно моделируется на базе реально существующих элементов говоров и диалектов татарского языка. Данная модель позволяет представить диалектную систему как систему, состоящую из постоянных и варьирующих элементов [2, с. 9]. Полная информация о системе диалектного языка достигается на основе анализа всех частных систем, функционирующих на всей территории распространения национального языка. Модель диалектного языка (диасистема) максимального типа может быть построена только после изучения всех говоров и диалектов. Она состоит из суммы теоретико-множественных признаков, следовательно, его структура определяется общей суммой элементов конкретных диалектных систем. Именно такого типа модель была построена нами для описания системы

категорий глагола татарского диалектного языка [3; 4]. Однако модель диалектного языка не совпадает ни с одной из реально существующих частных систем. Для татарской диалектологии степень изученности позволяет строить модель диалектного языка максимального типа (максимальной диасистемы) [5; 2], которая представляет теоретико-множественную сумму всех признаков говоров и диалектов.

Изъявительное наклонение. Для изъявительного наклонения диалектов татарского языка характерно многообразие временных форм. Наличие большого количества временных форм, особенности и функционально-семантические различия объясняются сложностью формирования говоров и диалектов, древними генетическими связями различных этнических групп и их многовековыми контактами с современными соседними тюркскими языками, а также другими особенностями развития.

Настоящее время. Диасистема настоящего времени в диалектах татарского языка реализуется формами на -а (-дыр, -ты, -т, -‘...), -учан, -учы, -уда, -атыган..., а также рядом аналитических конструкций: -ып утыра, -ып йата, -а торган. Наличие или отсутствие указанных форм являются дифференциальными признаками диалектов татарского языка. Семантическим ядром форм настоящего времени является обозначение действия, контактирующего с моментом речи. Однако данные формы или каждая форма в отдельности, кроме употребления в указанных значениях, могут выступать в контекстах, предполагающих отнесенность действия к ретроспективной или перспективной плоскостям.

Ядерная часть диасистемы настоящего времени образуется формой на -а, -ә, -й. Изоглосса этого явления охватывает всю территорию распространения татарского языка. В мишарском, а также во многих говорах среднего диалекта форма на -а, -ә, -й является единственной формой настоящего времени. В крайних говорах среднего диалекта, в диалектах сибирских татар настоящее время на -а, -ә, -й существует параллельно с другими формами, выполняя свою строго автономную функцию. Данная форма обладает богатым семантическим потенциалом. Однако основным грамматическим значением этой формы является выражение наличия действия в настоящем: Сине Әдил тип арап торам – «Тебя признала за Адила» (ср. д., кас. гов.); Әнә көтү кайта, сарыкларны ачып керт тиз генә – «Вон возвращается стадо, быстренько впусти (во двор) овец» (ср. д., нагорн. гов.). Данное

действие может быть в контакте, как с моментом речи, так и выходить за его рамки (например, значение, имеющее закономерный, обобщающий характер неактуального времени, подсказываемое главным образом контекстом, а также семантикой основы глагола).

Значение актуального времени подчеркивается обычно конкретизирующими обстоятельственными словами. Эта форма может выступать в значении других времен. Такое релятивное употребление чаще всего становится возможным при определенных речевых условиях под влиянием контекста. Однако, как показывают история развития неличных форм диалектов татарского языка и данные письменных памятников, способность к релятивному употреблению связана, прежде всего, с исторической полифункциональностью исходных основ. Под влиянием благоприятных ситуаций актуализируется семантический потенциал данной индикативной формы, в результате чего форма настоящего времени на -а, -ә, -й выступает также в значении прошедшего или будущего времен и некоторых косвенных наклонений. Известно, что форма настоящего времени на -а, -ә, -й в письменных памятниках отмечена как в значении настоящего, будущего, прошедшего времен индикатива, так и в значении желания, долженствования, повеления, цели, причины и условия совершения действия. Функция индикатива закрепляется за этой формой в результате осложнения ее вспомогательным глаголом туруп. Реликты этого архаичного вспомогательного глагола, сохранившиеся в диалектах татарского языка, отражают различные этапы развития данной индикативной формы. Эти особенности в употреблении 3-го лица характеризуют периферию диасистемы, которые выступают, в свою очередь, в качестве классификационных признаков частных систем.

Говоры среднего диалекта характеризуются отсутствием специальных аффиксов в оформлении 3-го лица, хотя данный признак обнаруживается во всех частных системах. Бала ашаса, уйный, сыктамай – «Если ребенок сыт, то играет» (ср. д., глаз. гов.). Такое оформление 3-го лица свойственно также многим говорам мишарского диалекта, причем нулевая форма может активно конкурировать в них со специальным показателем этого лица. В этом отношении говоры татарского языка обнаруживают полное сходство с татарским литературным, кумыкским, крымско-татарским, башкирским языками.

Специфической особенностью мишарского диалекта является оформление 3-го лица единственного, реже множественного, числа при помощи окончания -дыр, этимологически восходящего к вспомогательному глаго-

лу торур. Указанный аффикс присоединяется также к модально-предикативным словам бар «есть», «имеется», йук «нет», «не имеется» в позиции сказуемого: Аның хаты килеп торадыр – «От него постоянно приходят письма»; Алия күп сүләшәдер – «Алия говорит много» (миш. д., мелекес. гов.). Мишарский диалект по этому признаку резко противопоставляется не только литературному языку, но и другим диалектам татарского языка. По этнической принадлежности представители этого диалекта являются татарами-мишарами. В этом отношении мишарский диалект обнаруживает сходство с караимским языком, а также языком памятников армяно-кипчакской письменности, где элемент -дыр сохранился только в 3-м лице. Следует также отметить, что в некоторых сибирско-тюркских языках -дыр представлен во всех лицах.

В диалектах сибирских татар в результате выпадения ауслатного -р аффикс -дыр принял форму -ты, а также -т. Данный показатель 3-го лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения присоединяется также к модальному слову кэрэк, кэрэх «нужно», «необходимо» и вспомогательному глаголу пула «быть», «становиться», выступающих в позиции сказуемого: Оло гысым мәктәптә эшләйте – «Моя старшая дочь работает в школе»; Туйга өц-түрт пот май кирәкте «Для (проведения) свадьбы необходимо три-четыре пуда масла» (сиб., тоб. -ирт. д., тобол. гов.). В говоре мордвы-каратаев мишарского, а также в заболотном, частично в тевризском говорах тоболо-иртышского диалектов 3-е лицо единственного числа оформляется при помощи аффикса -т – результата усечения вспомогательного глагола турур, бара турур > барадыр > бараты > барат: Кешеләр йөгөрешәт, сэмәлүт киләт – «Люди бегут, самолет летит»; Мөгеттин киләт, атлар туктап куйат, алтыга пармайт – «Мугутдин идет, лошади останавливаются, дальше не идут» (сиб., тоб.-ирт. д., тевриз. гов.). Кроме того, в говоре мордвы-каратаев форма на -т конкурирует с аффиксом -' (гортанно-смычным согласным), имеющим такое же происхождение, как и другие предыдущие формы: бара', бара'лар «идет», «идут», килә', килә'ләр, «приходит», «приходят».

Другие формы настоящего времени изъявительного наклонения, представленные в диасистеме татарского языка, характеризуются территориальной ограниченностью. Данные формы выступают в качестве дифференциальных признаков частных диалектных систем. Например, настоящее время на -аты является характерной особенностью диалектов сибирских татар.

Даже в системе сибирских диалектов данная форма имеет различную степень распространенности. В тоболо-иртышском диалекте она употребляется только в тевризском говоре, причем из парадигмы спряжения здесь выпадает 2-е лицо множественного числа. В барабинском диалекте настоящее время на -аты имеет повсеместное употребление и представлено во всех лицах единственного и множественного числа: барады-м, барады-ң, барат, барады-быз, барады-к, барады-лар. Настоящее время на -аты, в отличие от формы на -а, -ә, -й, не характеризуется особой полисемантической и полифункциональностью.

Формы настоящего времени на *-учы, -ып утыра, -ып йата, -а торган* локализируются главным образом на территории Западной Сибири и Зауралья. Употребление их в некоторых говорах среднего диалекта, распространенных на территории Зауралья, следует рассматривать как результат влияния диалектов сибирских татар.

Формы настоящего времени на *-учан, -уда* ограничены рамками среднего диалекта. Например, настоящее время на *-учан* активно лишь в мензелинском, бирском говорах, а также в говорах, распространенных в западных регионах Башкирии. Эта форма свойственна также заказанской и нагорной группам говоров. Основным содержанием настоящего времени на *-учан* является выражение действия как постоянного свойства, склонности лица или предмета: Мин инде бөтен эшне үзем эшлэргә жаратучан, кеше күзенә карап жатучан түгел – «Я люблю делать все сам, я (человек) независимый» (ср. д., параньг. гов.).

Настоящее время на *-уда* сохранилось лишь в некоторых говорах среднего диалекта. В индикативном значении эта форма имеет очень ограниченное употребление. Образование ее возможно лишь от узкого круга глаголов статики. Она выражает длительное действие, начавшееся в неопределенном прошлом и продолжающееся в момент речи: Авылга кайтканнан бирле Валентин эшләүдә – «Со времени приезда в деревню Валентин постоянно на работе (работает)»; Эле без жәшәүдә, безгә барсы да кирәк – «Пока мы живем, нам нужно все» (ср. д., нижн.-прикам. гов.).

Будущее время. План будущего времени в диалектах татарского языка реализуется формами на *-ыр, -ачак, -асы, -мак, -галак*, которые образуют диасистему этой категории. Ядерным элементом диасистемы является лишь форма на *-ыр*. По семантическому содержанию форм будущего вре-

мени диалекты татарского языка не противопоставляются друг другу, хотя в отдельных говорах или диалектах выделяются специфичные только для них значения. Особенности в употреблении форм будущего времени, по которым противопоставляются частные системы, прежде всего, проявляются в спряжении или образовании отрицательных форм. Кроме того, некоторые формы, будучи специфичными для отдельных диалектов, на территории татарских диалектов образуют изоглоссы островного характера. Семантическое поле и функции узколокальных форм характеризуются известной ограниченностью. Это прежде всего относится к формам на -галак, -мак. Другие же формы на территории распространения частных систем образуют различные изоглоссы в виде обширных линий.

Самой распространенной формой будущего времени является форма на -ыр. В сходных значениях она употребляется во всех говорах татарского языка. По способу образования будущего времени на -ыр диалекты татарского языка не обнаруживают специфических особенностей. Однако образование будущего времени при помощи аффиксов с широкими гласными более специфично для диалектов сибирских татар. В то же время в некоторых говорах этих диалектов наблюдается сужение широких гласных аффиксов, что не свойственно для говоров среднего и мишарского диалектов. Для некоторых говоров среднего диалекта характерно употребление усеченного аффикса 2-го лица единственного числа -ң, а также сложного аффикса -сыгыз, -сыңыс множественного числа. В диалектах сибирских татар употребляются как сложные, так и усеченные варианты. Мишарский диалект отличается от остальных диалектов унифицированностью спряжения будущего времени на -ыр, обнаруживая тем самым большое сходство с литературным языком. К числу общих особенностей относится употребление усеченного показателя будущего времени и аффиксов 1-го лица обоих чисел, особенно после основ, оканчивающихся на согласный р. По образованию и спряжению отрицательных форм в диалектах татарского языка наблюдаются некоторые особенности. Для среднего и мишарского диалектов основной отрицательной формой является -ма, -мас (Мин бармам, син бармасың, ул бармас). В тоболо-иртышском диалекте 1-е лицо единственного числа, кроме указанных выше, оформляется также аффиксом -ман (мин парман – «Я не пойду»), а множественное число образуется от основы на -мас (пес пармаспыс – «мы не пойдем»). Это является одной

из ярких специфических черт тоболо-иртышского диалекта, по которой он противопоставляется остальным диалектам татарского языка. Кроме того, диалекты сибирских татар отличаются от других диалектов наличием отрицательной формы будущего времени на -масты: мин пармастым, син пармастын, ул пармасты (-ыр). Отрицательная форма на -мар (мин алмарым, син алмарсын, ул алмар...) относится к периферийному звену диасистемы и небольшими островками локализуется в некоторых подговорах пермских татар и заболотном говоре тоболо-иртышского диалекта.

Основным значением будущего времени на -ыр является выражение действия, ожидаемого в будущем. Значение будущего времени, как правило, осложняется модальными оттенками предположительности, неуверенности, неопределенности: Анта китсәгес, тис кайтарс, сәмәлүт оцаты антан – «Если поедете туда, то вернетесь скоро, оттуда летают самолеты» (сиб., тоб.-ирт. д., заболотн. гов.); Тимә, хәзер энийегез кайтыр, үзе алып бирер – «Не трогай, сейчас придет твоя мама, (она) сама тебе отдаст» (ср. д., нагорн. гов.).

Формы на -асы, -ачак, -мак, -галак представлены не во всех частных системах. Они образуют отдельные изоглоссы на ограниченной территории определенных диалектов. Например, формы будущего времени на -асы, -ачак характерны только для некоторых говоров среднего диалекта. Следовательно, они не входят даже в ядерную часть диасистемы среднего диалекта. Тем не менее, эти формы являются одним из значительных его дифференциальных признаков. Формы будущего времени на -мак, -галак характерны лишь для барабинского диалекта сибирских татар, таким образом, имеют четко очерченные границы распространения. Мишарский диалект характеризуется своей унифицированностью в употреблении формы будущего времени. В этом диалекте единственной формой будущего времени является форма на -ыр. Кроме того, мишарский диалект сохраняет также строгое единообразие и в спряжении этой формы.

Прошедшее время. Прошедшее время индикатива в диалектах реализуется множеством синтетических и аналитических форм, которые относятся к различным звеньям диасистемы. К первому типу относится форма на -ды, -ган, -ганда, -ып, а ко второму – формы, образованные сочетанием де-епричастия на -а, -ә, -й или причастия с вспомогательным глаголом иде: -а иде; -адыр иде; -а торган иде; -ыр иде; -ган иде; -ганда иде; -ды иде; -ачак

иде; -улы иде; -учан иде. Каждая из этих форм имеет свои индивидуальные особенности, несмотря на наличие объединяющего значения – выражения действия, происходящего до момента речи. Из них формы на -ды, -ган, -ып, -а иде, -ган иде, -а торган иде в той или иной степени активны во всех диалектах и поэтому являются ядерными элементами диасистемы.

Форма на -ды активна во всех говорах. На территории распространения татарских диалектов она не образует каких-либо значительных изоглосс. Присоединение к показателю 2-го лица множественного числа аффиксов -ңкыс, -ңыс, -ңнар, -нар формы на -ды специфично только для диалектов сибирских татар. В отличие от формы на -ды прошедшее на -ган на территории распространения татарских диалектов имеет ряд специфических особенностей. Отличительной чертой данной формы является многообразие типов спряжения. Относительным единообразием в ее спряжении характеризуется лишь мишарский диалект. В говорах этого диалекта употребляется главным образом 1-й тип спряжения, осуществляющийся с помощью показателей лица 1-й группы (барган-мын, барган-сын, барган-быз, бараган-сыз...). Данный тип спряжения имеет также широкое распространение в среднем диалекте. Здесь, в отличие от мишарского диалекта и диалектов сибирских татар, в 1-м лице единственного и множественного числа сонорный н аффикса -ган перед губно-губным переходит в м: барган-мын > баргам-мын, килгәнмен > килгәммен. Для некоторых говоров этого диалекта во 2-м лице множественного числа характерно употребление сложного аффикса -сыгыз: барган-сыгыз, килгән-сегез. Изоглосса этого явления на территории распространения среднего диалекта дает четко очерченные границы.

Второй тип, т.е. спряжение формы на -ган с помощью аффиксов принадлежности (барган-ым, барган-ың, барган-ыгыз...), более специфичен для среднего диалекта, особенно для говоров Заказанья. В барабинском диалекте сибирских татар наблюдается усечение причастного аффикса: баргам, барга-ң, барга-быс... Характерно оно и для говора сафакульских татар, сформировавшегося под сильным влиянием диалектов сибирских татар. Аналитический тип спряжения с участием личных местоимений (без-личных аффиксов), как и 1-й тип спряжения, характерен для всех диалектов татарского языка. Указанный тип спряжения также входит в ядерную часть диасистемы.

Отрицательная форма во всех диалектах образуется при помощи частицы глагольного отрицания -ма или модально-предикативного слова йук «нет»,

«не имеется». Однако диалекты сибирских татар противопоставляются другим диалектам по способности присоединять личные аффиксы к основе на -ган (парган-мын йук; парган-сың йук, парган-пыс йук, парган-сыс йук...). В некоторых говорах тоболо-иртышского диалекта личные аффиксы присоединяются к слову йук (парган йук-мын, парган йук-сың, парган йук-пыс, парган йук-сыс...).

Прошедшее время на -ган в диалектах татарского языка, как и в литературном языке и других тюркских языках, отличается многозначностью. Основным содержанием данной формы является выражение прошедшего действия, результат которого обнаруживается в неопределенный момент настоящего времени. Следовательно, форма на -ган функционирует на грани плоскостей настоящего и прошедшего времен: Идән дә жумаган, аш та пешермәгән, көн үтеп тә киткән – «И пол я не вымыла, и обед не приготовила, а время пролетело незаметно» (ср. д., заказ. гов.).

Ядерный элемент диасистемы прошедшего времени на -ып известен во всех диалектах татарского языка, но, по сравнению с формой на -ган, его распространение несколько ограничено. В среднем диалекте форма на -ып в 1-м и 2-м лицах обоих чисел употребляется лишь в говоре каринских татар, характеризующемся большим количеством кипчакских черт, чем другие говоры. В мишарском диалекте прошедшее время на -ып свойственно для мелекесского, сергачского, хвалынского, мордва-каратаевского говоров. Данная форма употребляется отдельными островками на территории распространения чокающих говоров, контаминируясь в 3-м лице с формой прошедшего времени на -ган. В тех говорах, где активно прошедшее время на -ып, заметно ограничивается функционирование формы на -ган в значении прошедшего результативного времени. Следует также отметить, что отрицательная форма прошедшего времени на -ып, образованная при помощи аффикса глагольного отрицания -ма (-мап), употребляется лишь в некоторых говорах мишарского диалекта. В тоболо-иртышском диалекте форма на -ып активна не во всех говорах. Например, в заболотном говоре она вообще отсутствует. В большинстве говоров этого диалекта используется смешанный тип спряжения: 1-е и 2-е лица обоих чисел образуются от основы на -ып присоединением личных аффиксов 1-й группы; 3-е лицо, как правило, представляет форма на -ыпты, которая может быть осложнена аффиксом -лар: мин парып-мын, син парып-сың, ул парып-ты (парып)...

В тевризском говоре тоболо-иртышского диалекта отрицательная форма, как правило, образуется от основы на -ыпты, которая представлена во всех лицах: мин пармап-ты-м, син пармап-ты-ң, ул пармап-ты...

По значениям прошедшее время на -ып и прошедшее время на -ган в основном совпадают. Главным в семантике прошедшего времени на -ып является обозначение действия, совершившегося в прошлом и результат которого налицо. Вместе с тем форма на -ып, как и форма на -ган, может употребляться для выражения как очевидных, так и неочевидных действий. Форма на -ып и -ыпты выражает в основном сходные значения. Однако, по нашим наблюдениям, говорящий прибегает к употреблению основы на -ыпты для особого усиления значения результативности, очевидности действия: Син безгә килепсең, без үдә булмапбыз – «Ты, оказывается, приходил к нам, нас дома не было» (миш. д., сергач. гов.); Курас керепте, куйп ташла – «Забегал петух, прогони-ка» (сиб., тоб.-ирт д., тюмен. гов.).

Ядерный элемент -а иде в диалектах имеет множество фонетических и фонетико-морфологических вариантов. Средний диалект характеризуется стяжением вспомогательного глагола иде: барайы > бара иде. Мишарский диалект сохраняет автономность этого глагола: бара иде. Диалекты сибирских татар отличаются от других диалектов наличием основы на -аты иде, спрягающейся при помощи личных аффиксов. Наряду с этим употребляются также стяженный вариант этой основы: алатыйтм, алатыйтң, алатыйт, ...алатытм, алатытк. То же самое характерно для употребления ядерных элементов – форм на -ган иде, -а торган иде: а торганыйы > а торган иде (средний диалект), -ган иде, -а торган иде (мишарский диалект). В диалектах сибирских татар употребляются как полные, так и стяженные варианты: -гайынты, -гайты, -ганты, -гайы; -атыган ите, -атыхан ит, -атыгайынты, -атыгайты, -атыгайт, -атыхант, -атыган, которые выступают в качестве дифференциальных признаков этих диалектов.

Формы на -ганда, -улы, -учан иде, -улы иде, -ганда иде, -адыр иде, -ыр иде, -ачак иде употребляются лишь в частных системах – следовательно, они составляют ряд необязательных элементов ее периферии. Эти формы характеризуются диалектной ограниченностью. Из них особый интерес представляют формы прошедшего времени на -ганда, -ганда иде, не отмеченные до этого как в диалектах татарского языка, так и в других тюркских языках. Эти формы активны в каринском и глазовском говорах среднего

диалекта, распространенных на территории Удмуртской Республики и Кировской области. Форма на -ганда, образованная сочетанием причастия на -ган с аффиксом местного падежа -да, спрягается с участием личных местоимений: мин барганда, син барганда, ул барганда... В форме на -ганда иде личные аффиксы присоединяются к вспомогательному глаголу иде. Отрицательная форма образуется: а) при помощи аффикса глагольного отрицания -ма: Мин бүген мунча йакмаганда – «Сегодня не топила баню»; б) при помощи модально-предикативного слова йук «нет», «не имеется»: Бүген идәнне йуганда йук – «Пол сегодня не мыли».

Прошедшее время на -ганда отличается многозначностью, однако основным в ее семантике является выражение результативности, завершенности совершившегося в прошлом действия: Мин икешәр кабат булганда эрмедә – «Я был дважды призван в армию»; Безне гәепләмәсен, без дә аның хәтле булганда, кеше арасына да сыйганда – «Пусть она не осуждает нас, и мы стали такими же людьми, как они».

По употреблению временных форм на -ганда, -ганда иде говоры каринских и глазовских татар отличаются не только от татарского литературного языка и его диалектов, но и других тюркских языков. Форма на -ганда аналогична по структуре формам изъявительного наклонения на -макда, -уда, образовавшимся на основе нейтральных к выражению времени имени действия на -мак, -у с помощью аффикса настоящего времени. В прошедшем времени на -ганда, в отличие от форм на -макда, -уда, в соответствии со значением исходной основы на -ган и аффикса местного падежа -да, подчеркивается результативность совершенного в прошлом действия.

Системно-синхронные исследования изъявительного наклонения татарского диалектного языка показывают, что ядерная часть диасистемы личных форм глагола состоит из следующих элементов: настоящее время на -а; употребление этого времени в 3-м лице специальных аффиксов (ул килә «он идет», кош оча «птица летит»...); прошедшее время на -ды, -ган, -ып, -а иде, -ды иде, -а торган иде, -ган иде, будущее время на -ыр.

По составу ядерных элементов диасистема диалектного татарского языка обнаруживает большое сходство с кипчакскими языками, прежде всего с башкирским, кумыкским, карачаево-балкарским, крымско-татарским, карайским, а также в некоторой степени каракалпакским, казахским, ногайским.

Литература

1. Бромлей С.В. Роль описательной диалектологии в характеристике общих свойств структуры языка. // Известия АН СССР. Отд. лит. и языка. – М., 1979. – Т.38. – №38.
2. Калнынь Л.Э., Попова Т.Е. Синхронное описание диалекта как особый вид диалектологического исследования. // Общеславянский лингвистический атлас. – М.: Наука, 1981.
3. Юсупов Ф.Ю. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка. – Казань: Изд-во КГУ, 1985.
4. Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1986.
5. Холодович А.А. Вопросы типологического описания языков. // Совещ. по типологии восточных языков: Тезисы докладов. – М., 1963.

Принятые сокращения

(Диалекты и говоры татарского языка)

- бараб. – барабинский
- дрож. – дрожжановский
- дубьяз. – дубьязкий
- заказ. – заказанский
- златоуст. – златоустовский
- ичк. – ичкинский
- красноуф. – красноуфимский
- менз. – мензелинский
- миш.д. – мишарский диалект
- морд. – говоры, распространенные на территории Мордовии
- нагайб. – нагайбакский
- нагорн. – нагорный
- нижн.-прикам. – говоры, распространенные на территории Нижнего Прикамья
- карин. – каринский
- параньг. – параньгинский
- пенз. – говоры, распространенные на территории Пензенской области

перм. – пермский
подб. – подберезинский
сафак. – сафакульский
сергач. – сергачский
сиб. – диалекты сибирских татар
ср.д. – средний диалект
тарск. – тарский
тевриз. – тевризкий
тобол. – тобольский
тобол.-ирт. – тоболо-иртышский
чист. – чистопольский